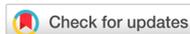

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пухов Д. Ю. Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов / Д. Ю. Пухов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 463—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480.

Pukhov, D. Yu. (2024). Violations of Forestry Legislation and Their Enforcement in Mining Ural Region during 1870s to Early 1890s. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 463-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов

Пухов Денис Юрьевич
orcid.org/0000-0001-7039-3848
WoS ResearcherID: GLR-5510-2022
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-
гуманитарных дисциплин
puhovdyu@m.usfeu.ru

Уральский государственный
лесотехнический университет
(Екатеринбург, Россия)

Violations of Forestry Legislation and Their Enforcement in Mining Ural Region during 1870s to Early 1890s

Denis Yu. Pukhov
orcid.org/0000-0001-7039-3848
WoS ResearcherID: GLR-5510-2022
PhD in History, Associate Professor,
Department of Social
and Humanities Disciplines
puhovdyu@m.usfeu.ru

Ural State Forest
Engineering University
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материалах Пермской губернии рассматриваются динамика, социальная окраска, причины и особенности противоправной активности в лесном секторе горнозаводского Урала в 1870-х — начале 1890-х годов. На основе выявленных статистических данных сделан вывод о высоком уровне преступности, связанной с похищением и повреждением древесных ресурсов. Показано, что тенденция к росту числа подобных правонарушений привела к ужесточению государственной правоохранительной политики в данной сфере в годы правления Александра III. При этом отмечается, что наиболее опасные преступления в лесном секторе, выделенные в сферу компетенции общих судебных учреждений (массовое сопротивление лесной страже, угроза оружием сотрудникам горнолесного ведомства и др.), были относительно редкими. Впервые осуществлен анализ сословной, гендерной и возрастной структуры контингента осужденных за нарушения положений уставов о казенных лесах. На микроуровне показаны реалии уральской лесной преступности и борьбы с ней. На основе материалов периодической печати, делопроизводительной и судебно-следственной документации обосновывается вывод о том, что распространенность хищений леса в горнозаводском регионе являлась следствием нерешенных вопросов в сфере государственного регулирования лесных отношений и иных проблем (безработица, бедность, недоступность природных ресурсов). С точки зрения автора, значительная часть случаев нарушения лесного законодательства на Урале во второй половине XIX века может быть охарактеризована как социальная преступность.

Ключевые слова:

хищения древесных ресурсов; Пермская губерния; Урал; охрана лесов; лесное хозяйство; социальная преступность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the dynamics, social dimensions, causes, and characteristics of illegal activities within the forestry sector of the Mining Ural region from the 1870s to the early 1890s, focusing on data from the Perm Province. The analysis reveals a high incidence of crimes related to the theft and damage of timber resources, supported by identified statistical data. It is shown that the increasing trend of such offenses prompted a tightening of state law enforcement policies during the reign of Alexander III. Notably, the most serious crimes in the forestry sector, which fell under the jurisdiction of general judicial institutions — such as mass resistance against forest guards and armed threats to officials of the mining and forestry agency—were relatively rare. This study provides a novel analysis of the class, gender, and age structure of individuals convicted for violations of state forest regulations. At the micro level, it highlights the realities of forestry crime and its suppression in the Ural region. Based on materials from periodicals, administrative records, and judicial investigation documents, it concludes that the prevalence of timber theft in the Mining Ural region stemmed from unresolved issues in state regulation of forestry relations and other problems, including unemployment, poverty, and inaccessibility to essential resources. The author argues that a significant portion of forestry law violations in the Ural region during the late 19th century can be characterized as social crime.

Key words:

timber theft; Perm Province; Ural; forest protection; forestry management; social crime.

УДК 94(470.53)“1870/1890”+343.773

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов

© Пухов Д. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Преступления, связанные с нарушениями лесного законодательства, являлись одним из наиболее значительных сегментов делинквентной активности в Российской империи второй половины XIX — начала XX веков и представляли собой серьезную проблему для государственных структур. Значимость древесных ресурсов как для сельского, так и для городского населения была обусловлена прежде всего необходимостью решения таких насущных вопросов, как обеспечение домохозяйств топливом, строительство и ремонт жилых и хозяйственных сооружений, организация функционирования кустарных промыслов. На Урале важность сохранения лесов, помимо общих с другими регионами факторов, была связана с тем обстоятельством, что они выполняли функцию топливной базы горнометаллургической промышленности.

В публикациях и диссертационных исследованиях историков и специалистов лесного хозяйства приводятся характеристики масштабов, причин, динамики противоправной активности в лесном секторе, затрагивается проблема эффективности усилий государственных органов по противодействию подобным правонарушениям на протяжении различных отрезков российской истории. В то же время выводы об уровне «лесной» преступности носят зачастую оценочный характер либо основываются на фрагментарных данных, за пределами внимания исследователей остаются ее социальные характеристики, не вполне прояснен вопрос о причинах высокого уровня этой разновидности противоправной деятельности в различных регионах Российской империи. Реалии борьбы государственных структур с подобными правонарушениями также раскрыты далеко не в полной мере, в то время как степень успешности их усилий в данной сфере можно рассматривать как один из факторов, определяющих уровень преступности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблематика криминальной активности в лесном секторе Урала, как правило, не выделяется в качестве самостоятельной темы, рассматрива-

ется в исследованиях, посвященных эволюции системы лесного хозяйства, либо в работах по истории правоохранительных органов. По оценке А. В. Дмитриева, причиной интенсивных незаконных рубок на горнозаводском Урале являлась монополия горнометаллургической промышленности на лесопользование и связанные с ней ограничения лесной торговли и функционирования «огнедействующих» производств. В контексте этих обстоятельств незаконные рубки рассматриваются А. В. Дмитриевым как «активная форма социального протеста» [Дмитриев, 1996, с. 39—40]. По мнению авторов коллективной монографии «История лесоустройства на Урале», массовое воровство леса в Пермской губернии «являлось прямым следствием порядков, сложившихся еще до реформы 1861 года, с одной стороны, и нежелания заводского начальства брать на себя заботы о жителях и мастеровых после освобождения их от крепостной зависимости, с другой» [Чернов и др., 2006, с. 115]. Негативное влияние на ситуацию в региональном лесном хозяйстве, с точки зрения исследователей, оказала передача управления горнозаводскими лесами в ведение лесного департамента в 1876 году [Там же, с. 103].

По данным И. А. Поппа, большая часть уголовных дел, рассматриваемых мировыми судами Пермской губернии, приходилась на кражу леса [Попп, 2011, с. 91—92]. Исследователь приходит к выводу о том, что побудительными мотивами незаконных рубок являлись, как правило, потребности крестьян в строительном материале и топливе, которые не могли удовлетворяться законным образом из-за существовавших поземельных отношений. В то же время, по оценке И. А. Поппа, сказывался и традиционный характер правовой культуры местного населения [Там же, с. 96].

В монографии Н. Н. Чернова отмечено широкое распространение самовольных рубок в лесах Оренбургского казачьего войска, названы такие причины этого явления, как «крайний недостаток» и неудовлетворительный кадровый состав лесной стражи, «необеспеченность ее материального положения», пассивность станичного правления в сфере регулирования лесных отношений [Чернов, 2010, с. 122, 124]. В статье Д. Ю. Пухова дается характеристика социального облика, уровня и динамики лесной преступности в Оренбургской губернии в 1870—1890-х годах [Пухов, 2024, с. 684—689].

Сходные с уральской спецификой факторы лесной преступности указываются в работах сибирских исследователей: отмечается, что значимыми причинами незаконных рубок в этом регионе являлись неудобные для местного населения особенности государственного регулирования лесных отношений и сформировавшиеся в более ранний период традиции неограниченного пользования древесными ресурсами [Гилько, 2012, с. 258—259; Данчевская, 2021, с. 136—137; Курышова и др., 2018, с. 128; Тяпкин и др., 2015, с. 55].

В исторической литературе отмечается, что кража помещичьего или казенного леса в системе традиционных крестьянских представлений не считалась преступлением [Безгин, 2017, с. 193—194; Тяпкин, 2017, с. 287]. В то же время С. Г. Федоров пришел к выводу о том, что распространенность близких к частной собственности «дачных» лесных владений в Южном Зауралье «постепенно выводила местное крестьянство из сферы обычного права в сферу официально-нормативную» [Федоров, 2016, с. 177]. В историографии зафиксирована такая разновидность лесной преступности, характерная для периода революционного кризиса начала XX века, как массовые организованные рубки леса крестьянами, осуществлявшиеся в европейской части России и в Сибири [Безгин, 2006, с. 29; Тяпкин и др., 2015, с. 55; Шиловский, 2007, с. 126—127]. Они имеют определенное сходство с практикой хищения древесных ресурсов значительными группами «лесоворов» на горнозаводском Урале во второй половине XIX века.

В качестве источниковой базы исследования использовались материалы судебной статистики и аналитические выкладки, содержащиеся в «Обзорах Пермской губернии», судебно-следственная и делопроизводственная документация из фондов екатеринбургского окружного суда, Уральского горного управления, главного управления Верх-Исетских заводов, публикации периодической печати («Лесной журнал», «Русское богатство», «Екатеринбургская неделя», «Лес и его разработка»). Хронологические рамки изученных материалов охватывают период от наиболее раннего из «Обзоров» губернии до последнего полного года правления Александра III.

При подготовке статьи использовались методы правовой статистики, а также методологические установки, связанные с историей повседневности и микроисторией [Каменский, 2007, с. 194—218; Поршнева, 2009, с. 45; Репина, 2011, с. 63—66]. Представляется, что в рамках проблематики лесной преступности пересечение микро- и макроуровней исторического исследования происходит в случае оценивания рассмотренных конфликтных ситуаций как в той или иной степени отражающих типичные для региона проблемы в точке соприкосновения государственной системы регулирования лесных отношений и повседневной жизни локальной общины и отдельного индивида.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Статистика и причины преступлений, связанных с похищением и повреждением леса

Большая часть нарушений лесного законодательства, нашедших отражение в «Обзорах Пермской губернии», приходилась на противоправные деяния, связанные с похищением и повреждением леса, которые относи-

лись к компетенции мировой юстиции. В 1880-х — начале 1890-х годов в текстах «Обзоров» приводились количественные характеристики этого сегмента криминальной активности (табл. 1).

Таблица 1

Количество осужденных в Пермской губернии
за похищение и повреждение леса
(ст. 154—164 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»)*

Оценка числа осужденных	1880	1884	1885	1887	1890	1891
Количество осужденных	14200	24336	20495	40325	34663	29162
Доля осужденных за похищение и повреждение леса от общего числа осужденных, %	60,2	64,4	67	71,4	63,7	54,7

* Источник: [Обзор Пермской губернии за [1880, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] год ..., 1881, 1885, 1886, 1888, 1891, 1892].

Данные за отдельные периоды в таблице 1 отсутствуют из-за неполноты сведений в доступных источниках. Тем не менее представленные материалы показывают рост числа осужденных за похищение и повреждение леса в 1880—1887 годах в 2,8 раза и некоторый спад значений этого показателя в 1890—1891 годах (в 1,4 раза по сравнению с 1887 годом). Уменьшение числа обвиняемых и признанных виновными по данному виду преступлений во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов, по оценке составителей «Обзоров», было связано с «установлением усиленного надзора за лесами и наложением значительных штрафов при обнаружении лесных порубок, сдерживающих крестьян от хищения леса» [Обзор ..., 1887, 1891]. О тенденции к ужесточению судебной практики по «лесным» правонарушениям в 1880-х годах свидетельствует значительный рост доли обвинительных приговоров. Если в 1883 году по статистике мировых судов она составляла лишь 12 %, то в 1887 году — уже 78 % [Обзор ..., 1883, 1887]. Активизацию борьбы с «лесоворами» в окрестностях Екатеринбургa на рубеже 1880—1890-х годов отмечает современник событий лесной таксатор В. А. Вольский: в этот период была существенно увеличена численность лесной стражи в казенных горнозаводских лесах, а в Верх-Исетской даче организованы специальные объездные команды [Вольский, 1891, с. 290—291].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что похищение и истребление леса являлись наиболее распространенными видами уголовных правонарушений, подсудных региональной мировой юстиции, на протя-

жении 1880-х — начала 1890-х годов. Доля рассматриваемой разновидности «лесных» преступлений в общем объеме региональной криминальной активности, колебавшаяся от 54,7 % до 71,4 %, была достаточно высокой. Для сравнения можно привести данные А. В. Данчевской, согласно которым в Енисейской губернии в 1893—1915 годах значения этого показателя составляли от 0,14 % до 20,6 %, а в Иркутской губернии в 1900—1914 годах — от 1,2 % до 3 % [Данчевская, 2021, с. 136]. Необходимо принимать во внимание и наличие значительной латентной составляющей «лесной» преступности, которая, по некоторым оценкам, в количественном отношении не уступала зафиксированной противоправной активности [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3900, л. 43]. Среди осужденных за похищение и повреждение леса преобладали мужчины (94 % по статистике 1890—1891 годов).

Представители горнозаводской администрации полагали, что интенсивные незаконные рубки обусловлены прежде всего недостаточной развитостью общественных представлений «о праве собственности, законности и долге, в особенности в отношении лесного имущества» [Мылов, 1882, с. 242]. Руководство губернских властных структур видело причину многочисленных нарушений лесного законодательства в незавершенности процесса землеустройства и наделения крестьян лесными участками, сохранявшихся традиционно-правовых воззрений на лесные ресурсы, снижении уровня народной нравственности, общем увеличении количества преступлений против собственности. Указывалось так же на периодически возникавшие ситуации, связанные с «дороговизною хлеба» и «уменьшением заработка» [Обзор ..., 1880; Попп, 2011, с. 92—95]. В то же время результаты уже осуществленных работ по земельному размежеванию губернская администрация оценивала положительно. В «Обзоре Пермской губернии» за 1874 год утверждалось, что участки, которые крестьяне получали в ходе землеустройства, вполне удовлетворяли их потребности в лесных ресурсах [Обзор ..., 1874]. При этом процесс размежевания шел медленно. Землеустройство в губернии не было завершено и в начале XX века [Алеврас, 1997, с. 34—38; Здобнов, 1916, с. 2; Пьянков, 2014, с. 55; Шустов, 2011, с. 40, 42].

Особенностью горнозаводского региона являлось наличие специфических факторов «лесной» преступности, обусловленных запретом на лесную торговлю в «горных» городах, к числу которых относился, в частности, Екатеринбург. Согласно действовавшим правовым нормам, жители таких населенных пунктов могли удовлетворять свои потребности в древесных ресурсах, обращаясь непосредственно в казенные горнозаводские дачи. Однако на практике реализовать эту возможность было достаточно сложно. Покупатели должны были заказывать необходимое годовое количество древесных ресурсов одновременно до составления структурами

горнолесного ведомства годовых смет на отпуск лесных материалов. При этом необходимо было выплатить лесничеству и подрядчикам значительную денежную сумму, недоступную для большей части населения. В результате горожане вынуждены были покупать дрова и строительные материалы возами у «лесоворов» по более высоким ценам, чем при заготовке законным образом [Вольский, 1891, с. 289, 291—292].

Без услуг «лесоворов» не могли обойтись и вновь создаваемые коммерческие предприятия. Так, в Екатеринбурге подобные проблемы испытывали мастерские, открывшиеся после 1867 года, «когда особой комиссией были собраны сведения о существующих промышленных заведениях и, в то же время, определен отпуск дров для каждого из заведений» [Вольский, 1891, с. 293]. В уральских заводских лесных дачах осуществлялись незаконные рубки для обеспечения функционирования сундучных, «гвоздарных», кузнечных и других промыслов, развивавшихся в значительной степени вследствие «недостатка работ» на основных предприятиях [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3900, л. 44об. — 45]. Ситуация осложнялась из-за разногласий в административных структурах по вопросу о законности открытия «огнедействующих» предприятий на территории посессионных лесных дач. Петербургское руководство горного департамента полагало, что местное население имеет такое право, в то время как уральское горнозаводское начальство придерживалось противоположной точки зрения [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 433, л. 1—2, 32—33]. В условиях правовой неопределенности возникали новые «огнедействующие» мастерские [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 433, л. 31], что, по всей видимости, усугубляло проблему незаконных лесозаготовок.

В результате влияния этих факторов воровство леса фактически стало профессией для определенной части местного населения, осуществлялось «целыми шайками в несколько десятков человек», которые при встрече с лесной стражей были готовы сопротивляться «до последней возможности» [Вольский, 1891, с. 293].

Специфические особенности лесопользования, сложившиеся в горнозаводском регионе, ослабляли способность судебной системы противостоять нарушениям лесного законодательства. «... Все эти условия вместе взятые, — писал В. А. Вольский, — составляют одну из причин, почему не только мировой суд или суд с присяжными, но и коронные судьи относятся крайне снисходительно к нарушениям Лесного Устава. Чины лесной администрации, в особенности лесная стража, разве в виде исключения получают удовлетворение на суде за нанесенные им обиды или оказание сопротивления их распоряжениям. Лесоворы люди нужные, они приобредли, так сказать, право гражданства: к ним обращаются за лесом и мировой судья, и присяжный заседатель, коронный судья, чины прокуратуры,

и даже само здание Окружного Суда отапливается со дня своего открытия, не получая дров из горнозаводских дач по лесорубочным билетам...» [Вольский, 1891, с. 294]. По оценке В. А. Вольского, добиться существенного сокращения незаконных рубок леса в горнозаводском регионе только карательными мерами было невозможно. Для решения данной проблемы, с его точки зрения, необходимо было создание лесных складов для свободной продажи лесных материалов по рыночным ценам. Однако горнозаводская администрация препятствовала созданию необходимых правовых условий для реализации подобных проектов [Там же, с. 300—302].

Криминализации лесопользования в регионе способствовала и другая особенность его организации. По сведениям корреспондента журнала «Русское богатство», в Пермской губернии хорошая сохранность лесов, предназначенных для удовлетворения потребностей бывших государственных крестьян, обеспечивалась только при передаче лесных территорий такого рода из казенного управления в управление самих крестьянских общин с последующим выделением «семейных участков» (от 0,125 до 4 десятины), находившихся в постоянном пользовании крестьянского двора, с сохранением этого владения при общинных переделах земли либо с выплатой компенсации при переходе участка от одного домохозяйства к другому. Как отмечал автор статьи, подобный порядок лесопользования опирался на традиции, формировавшиеся в ряде уездов Пермской губернии с конца XVIII века [Из Пермской губернии ..., 1882, с. 131—132]. По данным современного исследователя С. Г. Федорова, сходные практики пользования лесными ресурсами существовали в граничившем с Пермской губернией Курганском уезде Тобольской губернии [Федоров, 2016, с. 177]. В то же время, как отмечал сотрудник «Русского богатства», лесные территории, выделенные для нужд бывших государственных крестьян и находившиеся в казенном управлении, эксплуатировались теми же крестьянами хищническим и во многих случаях криминальным образом [Из Пермской губернии ..., 1882, с. 130]. Даже пользователи «семейных участков», сберегая собственный лес, зачастую покупали для хозяйственных нужд древесные ресурсы, похищенные в смежных дачах с казенным управлением, либо сами осуществляли в них незаконные рубки [Там же, с. 132—134].

3.2. Динамика и социальная структура преступности в лесном секторе по материалам общих судебных учреждений

В ведомостях «Обзоров Пермской губернии» содержатся сведения о преступлениях, рассматривавшихся общими судебными учреждениями и относившихся к наиболее опасной части криминальной активности, в том числе в лесном секторе. К ним относились нарушения уставов о казенных лесах, то есть укрывательство и покупка похищенного или само-

вольно вырубленного леса, насильственное массовое сопротивление либо угрозы оружием лесным служащим, а также различные случаи ненадлежащего исполнения должностных обязанностей лесными чинами и лесной стражей [Уложение ..., 1876, с. 376—379]. Сведения о количестве «лесных» преступлений, рассмотренных в общих судебных учреждениях Пермской губернии, отражены в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Количество преступлений в Пермской губернии,
связанных с нарушением уставов о казенных лесах *

Год	1870	1872	1874	1875	1876	1877	1878
Количество преступлений	3947	1335	20	2	4	15	10
Год	1879	1880	1883	1884	1885	1887	
Количество преступлений	24	14	47	46	52	65	

* Источник: [Обзор Пермской губернии за [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887] год ..., 1871, 1872, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1884, 1885, 1886, 1888.

Приведенные в таблице 2 данные за 1870 и 1872 годы отражают результаты деятельности дореформенной судебной системы (окружные суды, созданные в ходе судебной реформы Александра II, начали функционировать в Пермской губернии в 1874 году). Этим объясняется их существенное отличие от более поздних показателей. Материалы таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что применительно к периоду с 1874 по 1880 годы можно говорить о колебании показателей на относительно низком уровне (от 2 до 24 преступлений в год), а в период с 1883 по 1887 годы обозначается тенденция к росту их значений. В отличие от мировых судов общие судебные учреждения достаточно редко рассматривали дела о преступлениях в лесном секторе. Так, в 1887 году высшие губернские судебные инстанции вынесли обвинительные приговоры по «лесным» правонарушениям только в отношении 50 лиц, что составляет лишь 2,5 % от общего числа осужденных в течение года.

Отраженные в «Обзорах» результаты деятельности общих судебных учреждений позволяют выявить ряд социальных характеристик среднестатистического нарушителя лесного законодательства. В гендерном отношении особенностью контингента признанных виновными в окружных судах является абсолютное преобладание мужчин (в течение рассматриваемого периода зафиксировано участие в «лесных» правонарушениях только двух женщин).

Для характеристики возрастной структуры «лесной» преступности представляется более целесообразным использовать статистику 1880-х годов, поскольку в ней использовались по преимуществу равные по числу лет возрастные интервалы. По данным этого периода, наиболее высокая криминальная активность в лесном секторе была характерна для мужчин в возрасте от 31 до 40 лет (33 % осужденных). Значительное количество преступников приходится на возрастные интервалы с 21 года до 30 лет (22 %) и с 41 до 50 лет (24 %). Достаточно высоким был уровень молодежной преступности: на сегмент с 17 до 20 лет приходится 13 % осужденных, хотя данный интервал меньше остальных по числу лет более чем в два раза. Расчет средней арифметической взвешенной величины возраста нарушителей лесного законодательства [Правовая статистика ..., 2023, с. 99—100], по данным «Обзоров» 1880-х годов, дает результат 35 лет.

Обобщение данных пореформенного периода (с 1874 года) о сословной структуре контингента субъектов делинквентного поведения в лесном секторе позволяет сделать вывод о преобладании преступлений, совершенных крестьянами (80 % правонарушений), а также выявить значительную криминальную активность мещан (11 %) и представителей военного сословия (8 %). Дворяне и лица, отнесенные составителями «Обзоров ...» к таким категориям, как «почетные граждане и купцы» и «другие сословия», крайне редко совершали серьезные противоправные деяния в лесном секторе (0,3 %, 0,7 % и 0,7 % соответственно). Сведения дореформенной статистики (до 1874 года), дают сходную сословную структуру «лесной» криминальной активности. Крестьянами за эти годы было совершено 96 % преступлений, мещанами — 2 %, «другими сословиями» — 1,4 %, представителями военного сословия — 0,6 %; правонарушений, совершенных дворянами, почетными гражданами и купцами не зафиксировано.

В то же время преобладание крестьян как субъектов делинквентной активности в значительной степени объясняется их значительным численным доминированием в структуре населения региона. При расчете условной величины «количество осужденных на 100 тысяч населения» по отдельным сословиям на основе данных 1874—1887 годов выясняется, что наиболее криминализованной группой населения в рамках рассматриваемой группы преступлений оказываются мещане (значение коэффициента — 33). За ними по уровню криминальности следуют купцы и почетные граждане (21), крестьяне (9) и дворяне (6). В ходе вычислений использовались сведения о количественных характеристиках сословной структуры населения губернии, приведенные в переписи 1897 года [Первая всеобщая перепись ..., 1904, с. 58—59].

3.3. Повседневность «лесной» преступности по данным судебно-следственной документации

Материалы екатеринбургского окружного суда иллюстрируют достаточно распространенную на протяжении рассматриваемого периода практику массовых рубок леса, методы борьбы с ними, характер конфликтов между лесными служащими и местным населением.

Примером такого преступления и реакции на него правоохранительных структур является дело о сопротивлении лесной страже «скопищем», открытое в феврале 1887 года. Группа «лесоворов», направлявшаяся в вечернее время из Екатеринбурга в Верх-Исетскую казенную дачу, была замечена караулом полесовщиков. Был собран отряд лесной стражи численностью 14 человек. Ночью, во время возвращения «лесоворов» с незаконно заготовленным лесом, они были остановлены возглавлявшим отряд лесобъездчиком. По версии лесной стражи, после того как правонарушителям было приказано проследовать в заводскую контору, они напали на сотрудников лесничества, вооружившись палками, стягами и топорами. При этом кто-то из «лесоворов» выстрелил из револьвера. В ответ лесная стража открыла огонь, ранив некоторых из правонарушителей, после чего «лесоворы» разбежались. Сами порубщики утверждали, что полесовщики начали стрелять сразу после встречи с ними, «вследствие чего они разбежались». При этом факт незаконной рубки леса обвиняемыми признавался. Оправдание присяжными «лесоворов» по обвинению в сопротивлении лесной страже вполне встраивается в контекст, описанный В. А. Вольским [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 2—2об., 128об. — 129].

Относительно массовый характер рассматриваемого дела позволяет дополнить сведения о социальном облике горнозаводских «лесоворов». Первоначально подследственными являлись 14 человек, из которых большинство были мещанами (10 человек). По двое подозреваемых принадлежали к крестьянскому и военному сословию. По роду занятий большинство (9 человек) являлись чернорабочими, остальные — ремесленниками. По данным правоохранительных органов, 10 подследственных имели «достаточные» средства к существованию, четверо — «недостаточные». Можно предположить, что адекватность данных оценок относительна. Так, например, из девяти чернорабочих, фигурирующих в деле, у семи средства к существованию были определены как «достаточные». Примечательно, что большинство подследственных (9 человек) ранее уже привлекались к суду за незаконные рубки леса [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 182—182 об., 184—184 об., 186—193 об., 195—195 об., 203—203 об., 209—210 об.].

Еще одним примером острого противостояния «лесоворов» и лесной охраны в окрестностях Екатеринбурга является дело об убийстве помощ-

ником лесничего Березовской казенной дачи одного из порубщиков в декабре 1888 года. По утверждению обвиняемого служащего горнолесного ведомства, «лесоворы», вооруженные палками и топорами, напали на него во время изъятия незаконно заготовленного леса, а выстрел из ружья был произведен им в порядке самообороны, поскольку один из участников незаконных рубок бросился на него с топором. Показания помощника лесничего подтверждались сопровождавшими его лесообъездчиками, лесником и кучером, но отрицались «лесоворами» и служащими городской Мещанской лесной дачи, участвовавшими в драке на стороне нарушителей лесного законодательства. Данный конфликт, по всей видимости, можно рассматривать как один из эпизодов противостояния городской общины и системы горнозаводского лесного хозяйства. В ходе следствия выяснилось, в частности, что лесники Мещанской дачи, подчинявшиеся муниципальным властям Екатеринбурга, за небольшую мзду разрешали «лесоворам» провозить через подконтрольную им территорию лес, незаконно вырубленный в Березовской казенной даче. Примечательно, что убитый участник незаконных рубок относился к городскому среднему классу, а не к бедным слоям. Окружным судом без участия присяжных был вынесен оправдательный приговор в отношении обвиняемого помощника лесничего [ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 18—18 об., 59 об. — 62, 64 об.].

Менее напряженным был конфликт, случившийся в Шадринском уезде в феврале 1889 года. Группа крестьян, подозреваемых в незаконных рубках казенного леса (впоследствии это обвинение не подтвердилось), нанесла «оскорбление действием» леснику, сотскому и десятскому, пытавшимся осуществить обыски (обвиняемые замахивались на представителей власти палками, лопатой и метлой, толкали в грудь, бросили в одного из них поленом, помимо этого были нанесены удары палкой). После полуторагодичного судебного разбирательства двое из пяти обвиняемых были приговорены к двухмесячному и двенадцатидневному срокам ареста [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 33—33 об., 61 об., 63—65].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд обобщений. Во-первых, выявленные данные свидетельствуют о преобладании среди «лесных» преступников крестьян и мещан. Хотя сословная принадлежность не всегда является надежной характеристикой уровня материального благосостояния, все же можно говорить о том, что это менее состоятельные слои населения. В то же время материалы печати, статистические данные и судебно-следственные документы показывают, что «лесные» преступления совершались и представителями среднего класса. Во-вторых, значимой

причиной высокой активности «лесоворов» являлся характер поземельных отношений, не обеспечивавший возможность удовлетворения потребностей населения Урала в лесных материалах законным образом. В подобных условиях традиционно-правовые обоснования криминальных рубок могли оказываться средствами легитимации противозаконных способов решения насущных проблем. В-третьих, специфическим фактором, стимулирующим хищения древесных ресурсов и сопутствующие им столкновения с лесной стажей в горнозаводском регионе, являлись ограничения, препятствующие организации свободной торговли лесом. В-четвертых, перечисленные факторы ослабляли эффективность правоохранительной системы в борьбе с преступностью в лесном секторе.

Эти обстоятельства позволяют использовать при характеристике по крайней мере части криминальной активности в лесном секторе Уральского края термин *социальная преступность*, получивший определенное признание в британской историографии и, по определению Дж. Рула, обозначающий противоправные деяния, получившие «коллективную легитимацию благодаря явному протестному характеру» либо не рассматривавшиеся как преступные теми, кто их совершал [Emsley, 1997, p. 3]. Примечателен и тот факт, что подобный «юридический релятивизм», приводивший к достаточно массовым делинквентным действиям в отдельных сферах, не является специфической особенностью российской правовой культуры и фиксируется, в частности, в британском историческом опыте XVIII—XIX веков. Так, например, представители бедных слоев Англии не считали преступлением браконьерство, поскольку, с их точки зрения, животные, находящиеся в диком состоянии, не могли являться собственностью какого-либо лица [Ibid., p. 4]. В условиях горнозаводского Урала второй половины XIX века решение проблем, формирующих «социальную» составляющую криминальной активности, могло оказаться не менее значимым средством минимизации «лесной» преступности, чем карательные методы пресечения противоправной деятельности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Вольский В. А. О необходимости открытия лесных дворов в г. Екатеринбург / В. А. Вольский // Лесной журнал. — 1891. — № 3. — С. 289—307.
2. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 11 (Екатеринбургский окружной суд). Оп. 5. Д. 718, Д. 837 ; Оп. 7. Д. 69 ; Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 20. Д. 433 ; Ф. 72 (Главное управление Верх-Исетских заводов). Оп. 1. Д. 3900.

3. Здобнов Я. О лесоустройстве и по поводу лесоустройства на Урале / Я. Здобнов // Лес и его разработка. — 1916. — № 2. — С. 2—18.
4. Из Пермской губернии. Письмо 1-е // Русское богатство. — 1882. — № 5—6. — С. 127—135.
5. Мылов В. Н. Земство, города и заводы / В. Н. Мылов // Екатеринбургская неделя : [газета]. — 1882. — № 16. — С. 240—243.
6. Обзор Пермской губернии за [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] год. — Пермь, [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1891, 1892].
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Пермская губерния. — Санкт-Петербург : ЦСК МВД, 1904. — Т. XXXI. — 301 с.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / сост. Н. С. Таганцев. — Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1876. — 726 с.

Литература

1. Алеврас Н. Н. Аграрная политика российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Н. Н. Алеврас. — Челябинск, 1997. — 42 с.
2. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. — Москва : Common place, 2017. — 334 с. — ISBN 978-999999-0-25-7.
3. Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX — начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Б. Безгин. — Москва, 2006. — 41 с.
4. Гилько М. А. Транссибирская магистраль и лесная отрасль в дореволюционной Енисейской губернии / М. А. Гилько // Вестник КрасГАУ. — 2012. — № 6. — С. 257—264.
5. Данчевская А. В. Проблемы организации лесного надзора в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX — начале XX в. / А. В. Данчевская // Известия Лаборатории древних технологий. — 2021. — Т. 17. — № 2. — С. 127—140. — DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-127-140.
6. Дмитриев А. В. Горно-лесное хозяйство Урала во второй половине XIX — начале XX вв. : структура и правовая регламентация / А. В. Дмитриев. — Екатеринбург : НИИМК, 1996. — 48 с.
7. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей : Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. — Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. — 403 с. — ISBN 987-5-7281-0914-3.
8. Курышова И. В. Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. В контексте трансформации традиционного хозяйства / И. В. Курышова, А. М. Курышов // Известия Лаборатории древних технологий. — 2018. — № 4 (29). — С. 124—136. — DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136>.
9. Попп И. А. Мировой суд в Пермской губернии в 1873 — 1893 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Попп. — Екатеринбург, 2011. — 385 с.
10. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. 2-е изд., доп. / О. С. Поршнева. — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2009. — 210 с.

11. *Правовая статистика* / И. Н. Андリュшечкина, Е. А. Ковалев, Л. К. Савюк, Ю. А. Бикбулатов ; под редакцией Л. К. Савюка. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 409 с. — ISBN 978-5-534-02269-8.

12. *Пухов Д. Ю.* Преступления, связанные с нарушениями лесного законодательства, в Оренбургской губернии в 1870—1893 годах / Д. Ю. Пухов // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий : соц.-эконом. и экологич. проблемы лесного комплекса : материалы XV Международной научно-технич. конф. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2024. — С. 684—689.

13. *Пьянков С. А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. / С. А. Пьянков. — Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. — 216 с. — ISBN 978-5-7691-2397-9.

14. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX — XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — Москва : Кругъ, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-7396-0203-9.

15. *Тяпкин О. М.* Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / О. М. Тяпкин. — Томск, 2017. — 554 с.

16. *Тяпкин О. М.* Историко-правовая характеристика участия полиции Томской губернии в охране лесов в начале XX века / О. М. Тяпкин, В. М. Антропов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2015. — № 10 (132). — С. 53—57.

17. *Федоров С. Г.* Лесные вырубки в обычно-правовых представлениях крестьянства в Российской и Сибирской деревнях во второй половине XIX — начале XX в. / С. Г. Федоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11 (73). — Ч. 1. — С. 176—178.

18. *Чернов Н. Н.* История лесного хозяйства Оренбургского казачьего войска / Н. Н. Чернов. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2010. — 195 с. — ISBN 978-5-94984-299-7.

19. *Чернов Н. Н.* История лесоустройства на Урале / Н. Н. Чернов, Е. П. Смолоногов, З. Я. Нагимов. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2006. — 470 с. — ISBN 5-94984-096-8.

20. *Шиловский Д. М.* Полиция Западной Сибири в борьбе с массовыми выступлениями 1905—1907 гг. / Д. М. Шиловский // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Мат-лы Всероссийской науч. конф. — Томск : Томский гос. ун-т, 2007. — С. 126—129.

21. *Шустов С. Г.* Социально-экономическая трансформация Пермского майората Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. Г. Шустов. — Екатеринбург, 2011. — 48 с.

22. *Emsley C.* Crime and society in England, 1750—1900 / C. Emsley. — London and New York : Longman, 1997. — 312 p. — ISBN 0-582-25146-X.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2024,
одобрена после рецензирования 08.12.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.*

Material resources

- From the Perm province. Letter 1. (1882). *Russian wealth*, 5—6: 127—135. (In Russ.).
- GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region*. (In Russ.).
- Mylov, V. N. (1882). Zemstvo, cities and factories. *Yekaterinburg week: [newspaper]*, 16: 240—243. (In Russ.).
- Overview of the Perm province for [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] a year. Perm, [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1891, 1892]*. (In Russ.).
- The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1866*. (1876). St. Petersburg: M. Stasyulevich's Type. 726 p. (In Russ.).
- Troynitsky, N. A. (ed.). (1904). *The first general population census of the Russian Empire, 1897, XXXI*. St. Petersburg: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs. 301 p. (In Russ.).
- Volsky, V. A. (1891). On the need to open forest yards in Yekaterinburg. *Forest Journal*, 3: 289—307. (In Russ.).
- Zdobnov, Ya. (1916). About forest management and about forest management in the Urals. *Forest and its development*, 2: 2—18. (In Russ.).

References

- Alebras, N. N. (1997). *The agrarian policy of the Russian government in the mining Urals in the last third of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of Doct. Diss. Chelyabinsk. 42 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2006). *Traditions of rural everyday life of the late XIX — early XX centuries (based on the materials of the provinces of the Central Chernozem region)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 41 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). *Muzhikskaya pravda. Customary law and the court of Russian peasants*. Moscow: Common place. 334 p. ISBN 978-999999-0-25-7. (In Russ.).
- Chernov, N. N. (2010). *The history of forestry of the Orenburg Cossack army*. Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. Univ. 195 p. ISBN 978-5-94984-299-7. (In Russ.).
- Chernov, N. N., Smolonogov, E. P., Nagimov, Z. Ya. (2006). *History of forest management in the Urals*. Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. Univ. 470 p. ISBN 5-94984-096-8. (In Russ.).
- Danchevskaya, A. V. (2021). Problems of the organization of forest supervision in the Irkutsk and Yenisei provinces at the end of the XIX — beginning of the XX century. *News of the Laboratory of Ancient Technologies*, 17 (2): 127—140. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-127-140. (In Russ.).
- Dmitriev, A. V. (1996). *Mining and forestry of the Urals in the second half of the XIX — early XX centuries: structure and legal regulation*. Yekaterinburg: NIIMK. 48 p. (In Russ.).
- Emsley, C. (1997). *Crime and society in England, 1750—1900*. London and New York: Longman. 312 p. ISBN 0-582-25146-X.
- Fedorov, S. G. (2016). Deforestation in the customary legal representations of the peasantry in Russian and Siberian villages in the second half of the XIX — early XX century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 11 (73) / 1: 176—178. (In Russ.).
- Gilko, M. A. (2012). The Trans-Siberian railway and the forestry industry in the pre-revolutionary Yenisei province. *Bulletin of KrasGAU*, 6: 257—264. (In Russ.).

- Kamensky, A. B. (2007). *The daily life of Russian urban inhabitants: Historical anecdotes from provincial life of the XVIII century*. Moscow: Russian State Humanitarian University. Univ. 403 p. ISBN 987-5-7281-0914-3. (In Russ.).
- Kuryshova, I. V., Kuryshov, A. M. (2018). Evolution of state environmental policy in the Baikal region in the late XIX — early XX century. In the context of the transformation of the traditional economy. *Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies*, 4 (29): 124—136. DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136>. (In Russ.).
- Legal statistics*. (2023). Moscow: Yurait Publishing House. 409 p. ISBN 978-5-534-02269-8. (In Russ.).
- Popp, I. A. (2011). *The World court in the Perm province in 1873—1893*. PhD Diss. Yekaterinburg. 385 p. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2009). *Interdisciplinary methods in historical and anthropological research. 2nd ed., supplement*. Yekaterinburg: UGTU—UPI. 210 p. (In Russ.).
- Pukhov, D. Yu. (2024). Crimes related to violations of forest legislation in the Orenburg province in 1870—1893. In: *Effective response to modern challenges, taking into account the interaction of man and nature, man and technology: social economy. and eco-friendly. problems of the forest complex: materials of the XV International Scientific and Technical Conference*. Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering Univ. 684—689. (In Russ.).
- Pyankov, S. A. (2014). *Peasant farming of the Perm province at the end of the XIX — beginning of the XX century*. Yekaterinburg: RIO UrO RAS. 216 p. ISBN 978-5-7691-2397-9. (In Russ.).
- Repina, L. P. (2011). *Historical science at the turn of the XX — XXI centuries: social theories and historiographical practice*. Moscow: Krug. 560 p. ISBN 978-5-7396-0203-9. (In Russ.).
- Shilovsky, D. M. (2007). The police of Western Siberia in the fight against mass demonstrations of 1905—1907. In: *Siberian society in the period of social transformations of the twentieth century. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Tomsk: Tomsk State University. 126—129. (In Russ.).
- Shustov, S. G. (2011). *Socio-economic transformation of the Permian Stroganov entail in the second half of the XIX — early XX century*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 48 p. (In Russ.).
- Tyapkin, O. M. (2017). *State forest protection policy in Western Siberia in the XVIII — early XX century*. Doct. Diss. Tomsk. 554 p. (In Russ.).
- Tyapkin, O. M., Antropov, V. M. (2015). Historical and legal characteristics of the participation of the Tomsk province police in forest protection at the beginning of the twentieth century. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*, 10 (132): 53—57. (In Russ.).

*The article was submitted 24.10.2024;
approved after reviewing 08.12.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*